

Татьяна Васильевна Федосеева

*доктор филологических наук, профессор,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
(Рязань, Российская Федерация)
t.fedosееva@rsu.edu.ru*

МОТИВ ИСКУШЕНИЯ МОНАХА В ТВОРЧЕСТВЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО*

Аннотация. В статье изучается художественное функционирование мотива искушения монаха в лирике и поэме «Келиот» Я. П. Полонского. Рассматриваются биографические предпосылки христианского сознания поэта. Осуществляется мотивный анализ произведений Полонского с применением антропологического и аксиологического подходов. Уточняется функционирование евангельского текста в лирике поэта. В поэме «Келиот» обнаруживается второстепенное значение фабульной основы. Полонский сосредоточен на решении сложного мировоззренческого вопроса о соотношении любви и Закона в системе христианских ценностей. Герой Полонского проходит через искушение похотью плоти, очей, житейской гордости. Изображение человека в поэме соответствует новозаветной традиции. Он утратил изначально присущую цельность природы, но наделен способностью обрести ее вновь. Сюжет поэмы разрешается утверждением самоотверженной христианской любви. В результате проведенного исследования устанавливается, что в основе мировоззрения Я. П. Полонского лежит христианское понимание человека.

Ключевые слова: русская поэзия, Я. П. Полонский, христианская антропология и аксиология, библейский мотив искушения, проблема цельного человека, поэма «Келиот», любовь и Закон

Вопрос о повреждении первородным грехом природы человека, его причинах, следствии — «страстности, глупости и смертности естества» — и возможности восстановления изначально данной Творцом возможности совершенного существования является основным в православной антропологии [6, 10]. В русской литературе особенно остро он был поставлен в предромантический и романтический периоды, когда человек как воплощение свободной воли стал героем произведений Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Тема несовершенного человека, находящегося в духовном поиске, осознающего себя между грехом и покаянием, проходит через весь XIX век, особого

напряжения в своем развитии достигая в лирике Ф. И. Тютчева, прозе Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова. Изучению этого аспекта творчества русских писателей и поэтов XIX века посвящено, особенно в последние три десятилетия, множество исследований. В них много спорного, бесспорно, пожалуй, одно — выраженная русскими классиками вера в человека имеет основание в православном сознании. Это вера, по определению В. Н. Захарова, в озаренности «светом Благой Вести Христа» [9, 162].

Уже первыми исследователями творчества Я. П. Полонского подчеркивалась направленность его поэзии к возвышенному идеалу. Так, В. С. Соловьёв выделял способность поэта во мраке повседневности видеть Божественный свет [11, 537]. Н. Г. Аммон подчеркивал, что поэтом руководит вера в человека, в того, кто «стоя перед алтарем, видит свет в правде откровения, а за собою тень неправды», «ощущает благоговейный трепет и молится с верою» [15, 45]. Однако развернуто выражение поэтом оснований христианской антропологии и аксиологии не было. В современной науке его творчество с этих позиций рассматривается лишь эпизодически.

Так, Е. А. Гаричева, посвятив несколько статей анализу поэтики произведений Я. П. Полонского, для подробного рассмотрения выделила мотив покоя. В результате проведенного исследования в его развитии исследовательница обнаруживает основы православного сознания — «не только смиренное молитвенное приятие благодати, но и противоборство самоутверждению, стремление к равновесию земного и небесного, возрождение целостности в духе, обретение Дома на земле» [4, 384]. Нами в лирике поэта 1870-х годов выделен мотив искупительного страдания, а также обнаружено выражение ценностных ориентиров христианского сознания — веры в способность человека приблизиться к образу Божию; соборного чувства православного человека, живущего в духовном единении с сообществом людей как целым [13, 116].

Продолжая исследование антропологического аспекта творчества Я. П. Полонского, рассмотрим функционирование мотива искушения в лирике поэта 1860–1870-х годов

и поэме «Келиот». Этот мотив, как показывает опыт его изучения, позволяет понять, насколько сознанию писателя близка «христианская антропологическая модель» [2, 286].

В методологии исследования мы опираемся на распространенную в современной гуманитарной науке идею интеграции дисциплин. Так, И. В. Вершинин справедливо предлагает корректировать более или менее устоявшиеся исследовательские системы, присоединяя к ним выработанные в других областях знания подходы «по принципу дополнительности» [3]. В качестве расширяющего исследовательский диапазон мы используем с успехом применяемый в современном литературоведении ценностный (аксиологический) подход, способствующий выявлению глубинных содержательных пластов произведения.

Заметим при этом, что ценностный аспект изучения литературного творчества не является для отечественной науки абсолютно новым. Вопрос о значимости автора и авторского намерения (интенции) для формирования художественного текста имеет свою историю осмысления. На протяжении десятилетий он носил дискуссионный характер и пути его разрешения связаны с именами целого ряда больших ученых. Особый интерес, на наш взгляд, представляют внутренне между собой связанные концепции В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, Б. О. Кормана. Каждому принадлежит свой особый взгляд на проблему, и каждый обращался к ценностному аспекту литературоведческой категории автора. Первый обнаруживал присутствие автора в тексте произведения в качестве самостоятельного образа, второй видел его на границе между действительным миром и воссозданным средствами творческого воображения, третий писал о выраженной в художественном произведении авторской концепции мира. Несмотря на значительные расхождения в определениях, именно виноградовский «образ автора», бахтинский «автор-творец» — «субъект эстетической деятельности» и «концептированный» автор Кормана востребованы в науке, и до настоящего времени являются теоретическим стимулом для многочисленных исследований.

Изучение литературы на протяжении всего XX века связывалось с выявлением выраженных в ней ценностей, опре-

деляющих личность автора — нравственных, этических, духовных. Однако активная разработка этого направления в науке начинается на новом уровне осмысления лишь в 1990-х годах, когда проблема приобрела методологическое значение [8]. В наше время выраженные в литературном произведении жизненные ценности, справедливо соотносятся с вопросами веры. Как справедливо заметил священник Дмитрий Долгушин, литературоведческую науку не следует объединять с богословием, но необходимо обращаться к «теме о духовном и религиозном пути писателя и о том, как он выражается в его творчестве» [7, 10]. А. В. Моторин обобщает опыт рассмотрения современными учеными религиозного аспекта русской литературы XIX века, справедливо утверждая, что «все вопросы духовного бытия разрешаются на уровне веры, являющейся особым способом познания. Это относится и к художественным методам искусства, и к научным методам» [10, 6]. Таким образом, вопрос о творческом сознании художника современными исследователями литературы сопрягается с вопросом о его религиозности, и «антропоцентрическая» парадигма успешно совмещается в науке с «христоцентрической» [1].

Подобно многим соотечественникам, Я. П. Полонский с детства был приобщен к основам православного понимания человеческой природы с точки зрения ее греховности и искания праведности. Будущий поэт, по его собственным словам, вырос в «богомольной и патриархальной» семье, его мировоззрение формировалось под влиянием православного уклада жизни. «Деятельная фантазия, выражавшаяся в мечтательности, которая развивалась на религиозной почве, — писал исследователь автобиографической лирики поэта, — проявилась у нашего поэта довольно рано, в детском возрасте» [15, 3]. Впечатления детства отзывались в его стихах на протяжении всей творческой судьбы. Так, в одном из них воссоздается развернутая картина общения ребенка с Ангелом-Хранителем:

Любил я тихий свет лампы золотой,
Благоговейное вокруг нея молчанье,
И, тайного исполнен ожиданья,

Как часто я, откинув полог свой,
Не спал, на мягкий пух облокотясь рукою,
И думал: в эту ночь хранитель-ангел мой
Придет ли в тишине беседовать со мною?¹ (Псс, I, 7)

За строками стихотворения встает образ ребенка, для которого жизнь души составляет важнейшую сторону его существования. Творческое воображение поэта позволяет ощутить неразделимую слиянность чувственного впечатления и движения души, приобщенной к высшему духовному бытию.

В дальнейшем жизнь души станет одной из основных тем лирики поэта, вполне осознававшего, как сложно сохранить ее в чистоте, когда так широко вокруг распространены дух сомнения и неверие. По воспоминаниям Я. П. Полонского, значительное влияние на его личностное становление оказали беседы с Д. А. Ровинским, юристом, впоследствии прославившимся как любитель искусств и составитель справочников по русским портретам и гравюре XVIII—XIX веков, один из основоположников русской иконографии. Обусловленный знанием немецкой классической философии идеалистический его образ мысли оказался близок Полонскому, но не во всем. Называя себя человеком «наивно верующим», поэт вспоминал, что, с одной стороны, горячо спорил с «философствующим» Ровинским, а с другой — испытал несомненное его влияние (Соч., 415). Хотя в воспоминаниях и не определен характер этого влияния, очевидно, что оно противоречило воспринятому из патриархальной семьи православному сознанию. Так, уже в годы ученичества сложилось противоречие между «наивной» верой и стремлением ее объяснить.

Между тем именно православный идеал человека утверждается Полонским в его лирике. Предназначение поэта он видел именно в том, чтобы приблизиться к идеалу, воспринятому в детстве. Он хорошо осознавал, насколько этот идеал чужд «мятежному, строгому» веку, который диктует поэту:

В твореньях нет творца, в природе нет души.
Твоя вселенная — брожение сил живых,

Но бессознательных, — творящих, но слепых,
Нет цели в вечности; жизнь льется, как поток.
И, на ее волнах мелькнувший пузырек,
Ты лопнешь, падая в пространство без небес...

(Псс, I, 438)

Герой лирики Полонского осознает разрушительное воздействие распространенного в обществе духа сомнения. Очень характерно в этом отношении стихотворение «Сумасшедший» (1859). Его герой видит возможность для человека снять вековое «проклятье» проявлением всеобщей любви, примирением всех народов, когда падут столицы и тираны. Это и происходит в его воображении и в его измученной всечеловеческим страданием душе:

Ликуйте! вечную приветствуйте весну!
Свободы райской гимн из сердца так и рвётся —
И я тянусь, тянусь, как луч, в одну струну —
Что, если сердце оборвётся!.. (Псс, I, 352)

Гармония мира, возникшая в воображении «сумасшедшего» — утопия, мечта, но человеческая душа способна принять в себя идеал. В стихотворении «Неизвестность» (1865) выражается надежда на спасительное для человечества, погрязшего в слепом рационализме, духовное просветление:

А там предтеча, может быть,
Уже проселками шагает,
Глубоко верит и не знает,
Где ночевать, что есть и пить.
Кто знает, может быть, случайно
Он и к тебе уж заходил,
Мечты мечтами заменил
И в молодую душу тайно
Иные думы заронил... (Псс, I, 350)

Мотив болезненной души, поддавшейся искушениям, отпавшей в силу внешних и внутренних причин от Бога — один из основных в лирике Полонского. Болезнь души, по мысли поэта, вызвана именно отказом современного человека от идеала. Между ложными и истинными ценностями он выбирает ложные. Так, в душе героя стихотворения «На

железной дороге» (1868) еще живо стремление к вечным ценностям жизни. В его душе живы любовь к родине, другу, семье, однако они отодвинуты на второй план. Первый план занят практическим делом, которому он служит и отдает всего себя.

Окруженный такими людьми лирический герой Полонского счастлив встретить простую, искреннюю душу, но это большая редкость:

Лишь в минуты просветленья,
В бездне мрака и сомненья,
Вижу душу я твою, —
Душу в образе телесном,
И ее, духам небесным
Непонятную, люблю... (Псс, I, 367)

Чаще его окружают люди, которым чужды высокие стремления. Они живут, удовлетворяя свои низменные потребности. В окружении таких людей герой одинок и близок к отчаянию:

Между мной и целою вселенной
Ночь, как море темное, кругом.
И уж если Бог меня не слышит —
В эту ночь я – червь на дне морском! (Псс, II, 160)

Собственный духовный путь зрелый поэт оценивает как противоречивый. Он понимает, что с годами утратил чистоту веры и цельность души. Так, в стихотворении «Старая няня» (1876) близкий автору лирический герой передает свои впечатления от встречи с дорогим его сердцу человеком спустя многие десятилетия. Автобиографический герой успел вкусить горькие плоды просвещения, заставившие усомниться в непреложности Божественной истины. Он противопоставлен няне как «естественному» человеку, просто Бога принявшему, без попытки объяснить и понять его. Герой обращается к няне со словами:

И напомнила Христа
Ты страдальцу без креста,
Гражданину, сыну времени,

Посреди родного племени
Прозябающему,
Изнывающему... (Псс, II, 293–294)

Называя своего героя «страдальцем без креста», автор сожалеет, что страдание перестало быть для него непременным условием совершенствования души и воспринимается как результат неблагополучия внешней жизни — разочарований, болей, обид. Причины болезни человеческой души обнаруживаются и вне и внутри самого человека — как результат соблазнов, овладевших ею.

Мотив искушения в лирике Полонского связан с темой несчастной любви. Образ женщины в этом контексте приобретает характер соблазнительницы, ускользающей от влюбленного в нее героя. В стихотворении «Сны» (1856–1860) воссоздается мрачная, апокалипсическая обстановка беспросветной тьмы вокруг и полного одиночества героя, которому явление женщины дает надежду на ответное чувство. Эта надежда оказывается напрасной:

Но в эту минуту, рванувшись,
Как змей ускользнула она,
И стало опять: мрак во мраке
И в тишине — тишина... (Псс, I, 326)

В стихотворении «Старый тапер» (1876) нарисован образ благополучной светской дамы, которая не узнает в слепом музыканте предмет своей юношеской влюбленности. Для нее все в прошлом, тогда как в его памяти образ жив и «он вечною любовью к ней пылает». Счастье было невозможно в прошлом, еще менее возможно оно теперь:

Что, если б он прозрел, что, если бы, друг в друга
Вглядысь, они могли с усилием узнать —
Он побледнел бы от смертельного испуга,
Она бы — стала хохотать! (Псс, II, 181)

Женский образ в лирике Полонского далеко не однозначен — в нем не только соблазн, но и душевная стойкость. В стихотворении «В потерянном раю» (1876) представлена интерпретация сюжета о первородном грехе. Обращение

к библейскому сюжету не было случайным для поэта. На это обратил внимание В. С. Соловьев, отметивший нарастающую в сознании поэта силу сопротивления «жестокому» веку: «Чем более зрелую становится поэзия Полонского, тем явственнее звучит в ней религиозный мотив, хотя и в последних стихотворениях выражается более стремление и готовность к вере, нежели положительная уверенность» [11, 164].

Поэт представляет поддавшуюся искушению Еву полной смирения перед Создателем и пылающей праведным гневом по отношению к искушителю, ожидавшему совсем иного:

Он ждал слезы, — улыбки рая, —
 Молений, робкого стыда...
 И что ж в очах у ней?!. Такая
 Непримируемая вражда... (II, 287)

Искушителя пугает ее «вражда»: «Грозы Божественной сверканье — / Тех молний, что его с небес / Низвергли, — не без содроганья / В ее очах увидел бес...». Ева оказывается сильнее соблаздившего ее дьявола. При этом грехопадение прародительницы человечества трактуется двояко: с одной стороны, оно стало причиной разрушения «земного рая», с другой — в отрешении от искушителя выражена преданность Евы Богу.

В стихотворении «На искусе» (1875) развивается мотив искушения монаха. Автором воссоздается ситуация искуса, длительного приготовления к монашескому пострижению². Лирический герой представлен в образе послушника, в усиленной молитве стремящегося обрести себя в духовном мире, ищущего отрешения от всех впечатлений земной жизни:

Я поклоны творю пред иконою
 И не слышу, как сладко поют
 Соловьи за решеткой оконною,
 В том саду, где жасмины цветут... (Псс, II, 258)

Все усилия оказываются напрасными, слишком живо то, что связывает его с людьми, сильны воспоминания, и он в воображении вновь и вновь возвращается в прошлое, к пе-

режитому. Образ Пречистой Девы, о которой говорится в первых строках стихотворения, в конце заменяется образом любимой женщины. В глубоком покаянии герой исповедует свой грех, обращаясь к той, которой уже нет в живых и перед которой он виноват:

И нет сил одолеть искушение!
Забывая молитву мою,
У погибшей прошу я прощение,
Перед ней на коленях стою... (259)

Чувство вины перед умершей не дает успокоения душе, усугубляясь чувством вины перед младенцем:

И, в слезах призывая Спасителя,
Крик ребенка я слышу — и в нем, —
В сироте, чую вечного мстителя
За любовь, что покрыл я стыдом... (259)

Автобиографические детали (Полонский потерял сына-младенца и любимую жену) заставляют говорить о близости героя автору. (По воспоминаниям современников, поэт тяжело переживал утрату и был склонен к рефлексии.) Мотив искушения монаха наделяется лирической функцией и служит воссозданию области авторской субъективности.

В наиболее развернутом виде мотив искушения монаха представлен в поэме «Келиот» (1874). Известно, что поэма предназначалась для опубликования в некрасовских «Отечественных записках» и была отвергнута редакцией. Сохранился отзыв о поэме И. А. Гончарова, который писал Полонскому: «Я уже несколько дней назад тому прочел — и, конечно, с большим удовольствием. Есть восхитительные страницы, напоминающие Байрона, в тоне и жанре которого написана поэма. От этого самого многие критики современные найдут ее, может быть, несовременную по содержанию...» [5, 454]. В произведении Полонского, действительно, обнаруживается жанровое влияние романтической поэмы байронического типа как на содержательном, так и на структурно-композиционном уровне.

В тексте поэмы очень значителен описательный элемент. Даны развернутые живописные изображения традиционно романтического пространства: бурного моря в момент таинственного появления на судне морских разбойников изможденного и никому не известного монаха; отдаленного от материка острова с пышной природой и свободными, естественными в поведении, чуждыми цивилизации, жителями; морского боя, в котором превосходящую силу врага побеждают клефты, включившиеся в освободительную войну греков и славян с османами³. Эти описания составляют фон, на котором разворачивается история полной суровых испытаний жизни и трагической гибели главного героя поэмы — келиота Кирилла⁴.

В традиции романтического жанра большая часть жизненной истории рассказывается самим героем. Описания и исповедь занимают определяющее место в тексте поэмы, на что в своем письме указал И. А. Гончаров, заметивший, что «по легкости фабулы — поэма немного растянута» (5, 456). Эту «растянутость» поэмы следует, на наш взгляд, объяснить именно второстепенным значением фабулы: на первый план автором выведена внутренняя жизнь героя, его борение с собой, раскаяние в совершенном грехе и стремление к искуплению.

Мотив искушения является основным в раскрытии образа главного героя — фигуры противоречивой, но вызывающей сочувствие. Его решению стать монахом предшествовали страшные обстоятельства жизни — трагическая гибель любимой семьи. Когда по произволу турецкого паши его юная и прекрасная сестра оказалась в гареме, а пытавшийся ее защитить отец погиб, не вынеся горя, умерла мать, молодой человек оказался у стен Афонского монастыря. Он много трудился для умирения плоти и душевных страстей, но при этом хранил надежду на возможность мести убийцам отца и врагам своей Родины.

Искушения, которым на протяжении сюжетного действия поэмы подвергается монах, структурно соотносимы с евангельским сюжетом искушения Христа сатаной в пустыни.

Первым стало искушение похотью плоти. Встретив на берегу моря девочку, потерявшую в кораблекрушении близких и изнывающую от голода и жажды, монах возмечтал о ней, увидев в ребенке женщину. В нем христианское сострадание боролось с плотской похотью. Собираясь помочь девочке втайне от игумена, наложившего на него епитимью и запретившего помогать, Кирилл провел в молитве и колебаниях несколько дней. Когда же он решился, то, спускаясь к морю, встретил на тропе келейника игумена с лопатой, к которой прилип мокрый песок. Скорее всего, девочка умерла и была им закопана на берегу. Коря себя за нарушение клятвы и тяжело страдая, Кирилл самовольно покинул монастырь. Так искушение, которому монах поддался лишь в мыслях, предопределило его будущую судьбу. Однако и этот поворот послужил не столько развитию сюжетного действия, сколько размышлению автора о склонной к плотским наслаждениям человеческой природе и о самом себе.

Оказавшись в уединенном селении клефтов на одном из островов греческого архипелага, герой подвергся искушению очей. Роскошная южная природа в его восприятии — «...соблазн, в ней — бес, она / Как плоть, грехом заражена...» (Псс., IV, 42). Свободные нравы обитателей острова, среди которых много красивых женщин, — тоже соблазн. Монах тайно любит их красотой:

И стройная, во цвете лет
Из полутьмы на яркий свет
Выходит женщина. У ней
Глаза без блеска, без лучей.
Как тьма кромешная; они.
В непроницаемой тени
Ее ресниц на тень глядят
Сурово... (Псс, IV, 48)

Образ прекрасной селянки, погруженной в быт, повседневные домашние хлопоты, — для него искушение. При этом обитатели острова относятся к монаху как к праведнику, посвятившему себя уединенному служению Господу. Тайна судьбы монаха и его появления на острове, аскетический

облик, а также приписанная ему способность молитвой отвести гибель, защитить корабль клефтов, а потом и остров от нападения врагов, определили особое к нему отношение. Оно вполне располагало к тому, чтобы проповедовать, «вещать слово Христово».

Кирилл же, понуждая себя к молитве и к проповеди, осознает свою душевную и духовную слабость. Он истово молится об избавлении от страстей: «Ей, Господи, вспомоществуй! / Палящий огонь страстей задуй / В моей тоскующей груди... (Псс, IV, 51). Оказывается, искушение — не вовне, а в склонной к страстям натуре самого героя, и он принужден бороться «с природой и самим собой» (Псс, IV, 76).

На острове монаху пришлось выслушать исповедь одного из клефтов — Стефана Деспо. Стефан кается в том, что стал причиной мучительной смерти от голода плененной им и тайно привезенный в дом, где она стала его наложницей, турчанки Зюлейки. Будучи христианином, Стефан не смог открыть свою любовь к магометанке. Отправляясь в поход, он запер ее в тайном гроте, вход в который открывался во внутренней стене дома. Вернувшись через два месяца, обнаружил изуродованный голодом и смертью труп, тайно закопал его недалеко от селения в горах и потерял душевный покой. Он обращается со словами покаяния к Кириллу, считая его праведным человеком, и слышит в ответ подобную историю. Герои встретились в ситуации осознанной греховности и глубокого раскаяния. Разбойник и монах оказались в равных условиях и впредь были неразлучны.

Узнав историю Стефана и оказавшись на месте гибели Зюлейки, Кирилл пережил глубокое потрясение. Впав в пограничное между явью и сном состояние, увидел призраки двух прекрасных женщин, ставших жертвой «христианского фанатизма», и понял, как заблуждался:

Красота явилась мне не для того,
 Чтоб соблазнять, она
 Была строга и холодна
 И выражали мне укор
 Ее уста...

.....

Куда девались грешные мечты
При виде этой красоты!
И стало стыдно мне, когда
Очнулся я... (Псс, IV, 160)

В этот момент внутренний конфликт, остро переживаемый героем, приходит к разрешению. Он стыдится своих греховных помыслов, раскаивается в них, обнаруживает причину не вовне, а в самом себе. Как известно, именно такого полного раскаяния ждал Бог от нарушивших запрет Адама и Евы, каждый из которых стремился переложить свою вину на другого: Адам винил Еву, а та — искусившего ее змея (Быт. 3:12–13). Келиот смиряется в покаянной молитве и обретает наконец покой в душе.

Последнее, третье, искушение — житейской гордостью — монах испытал, когда отправился вместе со Стефаном и несколькими матросами на Афон с тем, чтобы привлечь монахов на сторону повстанцев и вооружить их для борьбы. Страстно желая отомстить за свою семью и уверовав в свою исключительность, монах легко поддался этому искушению.

Разыгравшееся на пути к Афону сражение с османами служит логическому разрешению внешнего конфликта, начавшегося противостоянием христианской болгарской семьи, которой принадлежал Кирилл, неограниченному произволу магометан. В этом сражении героически погибают и монах, и разбойник, глубоко раскаявшиеся в грехах перед Богом и преступлениях перед людьми. Отсланные Стефаном матросы должны сообщить на Афоне о гибели Кирилла: «Скажите там, что наш отец / Кирилл страдальческий венец приял от мусульман...» (Псс, IV, 172). Гибель Кирилла и Стефана освящена евангельским словом: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13).

Анализ лирики и поэмы «Келиот» Я. П. Полонского убеждает в сосредоточенности авторского внимания на внутреннем человеке. Поэт видит его противоречивым и объясняет эту противоречивость всей человеческой историей и ее началом в библейском предании. Утратив в результате первородного греха цельность души, человек обречен на страдание в стремлении обрести ее вновь.

На разрешение этого противоречия и направлены усилия поэта, особенно явным это стремление стало в творчестве 1870-х годов. Мотив искушения монаха служит ему для поиска ответа на сложнейший мировоззренческий вопрос о возможности гармонии физического, душевного и духовного в человеке. Напряженное, сочувственное внимание душевной борьбе героя порождает решение вопроса о восстановлении утраченной человечеством душевной цельности. Оно — в идеале самоотверженной христианской любви.

Примечания

- * Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-04-00552 «Творчество Я. П. Полонского в контексте исторической, литературной, духовной жизни России (к 195-летию со дня рождения)» на 2014 год.
- ¹ Цитаты из произведений Я. П. Полонского приводятся по следующим изданиям с сокращениями, указанием тома и страницы в круглых скобках:
Псс: *Полонский Я. П.* Полное собрание стихотворений: В 5 т. Т. 1–5. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896.
Соч.: *Полонский Я. П.* Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2: Признания Сергея Чалыгина; Женитьба Атуева; Воспоминания. М.: Худож. лит., 1986. 463 с.
- ² В Настольной книге священнослужителя об этом сказано: Трехлетний искѹс, или степень послушника, служит вступлением в монашескую жизнь, чтобы желающие ее испытали прежде свои силы и лишь после того произносили невозвратные обеты // Чиноположения православной церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/tserkov/bogosluzheniya/liturgika/nastolnaya_kniga_svyaschennosluzhitelya_22-all.shtml (дата обращения: 10.07.2014).
- ³ В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона слово «клефты» определяется через его синоним — «паликары» (н. греч. «сильные молодцы») — отдельные отряды в Турции, служившие под началом собственных капитанов при важном лице, не состоявшие на службе — образовывали полуразбойничьи шайки, подобные «четам» сербских и болгарских гайдуков. Во время освободительной войны за независимость Греции клефты приняли в ней активное участие (Т. XXVII А. СПб.: Семеновская Типо-Литография, 1897. С. 630).

- ⁴ Келиот — афонский монах. Об афонских келиотах прп Амвросий Оптинский писал, что они представляли два рода: отшельническую, в строгом значении этого слова, и вольную. В первых старец отмечал «единение духа, строгую воздержность, изумительные труды и безмолвие», во вторых — «отличительную и единственную черту иноческого характера» — «зависимость нескольких человек от старца» // Прп. Амвросий Оптинский: От ласки у человека совсем другие глазки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isihazm.ru/> (дата обращения: 08.06.2014).

Список литературы

1. *Безруков А. А.* Об антропоцентрической и христоцентрической парадигмах в литературоведении [Электронный ресурс]. Режим доступа: / <http://otc-pavel.ortox.ru/glavnaja> (дата обращения: 12.07.2014).
2. *Бердникова О. А.* Мотивы искушения в творчестве И. А. Бунина в аспекте христианской антропологии // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2008. № 12 (85). С. 279–288.
3. *Вершинин И. В.* Принцип дополнителности в филологии // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 5. Филология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Vershinin/> (дата обращения: 05.06.2014).
4. *Гаричева Е. А.* Движение к покою в лирике Я. П. Полонского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 5. С. 375–384.
5. *Гончаров И. А.* Письмо Полонскому Я. П., 15 января 1874 г. <Петербург> // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Худож. лит., 1955. С. 454–456.
6. *Добросельский П. В.* О происхождении человека, первородном грехе и искусственном зарождении. М.: Благовест, 2008. 491 с. (Очерки православной антропологии).
7. *Долгушин Д. В.*, свящ. В. А. Жуковский и И. А. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 352 с.
8. *Есаулов И. А.* Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. С. 373–383.

9. *Захаров В. Н.* Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 8. С. 150–165.
10. *Моторин А. В.* Духовные направления в русской словесности XIX века / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2012. 504 с.
11. *Соловьев В. С.* Поэзия Я. П. Полонского // Философия искусства и литературная критика / Вступ. ст. Р. Гальцевой и И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 518–542.
12. *Страхов Н. Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1897. 281 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0090.shtml (дата обращения 17. 04. 2014).
13. *Федосеева Т. В.* Мотив искупительного страдания в лирике Я. П. Полонского // Богослужение и русская литература: цитаты, реминисценции: материалы научной конференции. Шуя: ШГПУ, 2011. С. 106–116.
14. *Фомичёв С. А.* Первая поэма Пушкина // Пушкинская перспектива. М.: Знак, 2007. С. 52–61.
15. Яков Петрович Полонский. Его жизнь и сочинения: Сб. ист.-лит. ст. / Сост. В. Покровский. М.: В. Спиридонова и А. Михайлова, 1906. 470 с.

Tatiana Vasilyevna Fedoseeva

*Doctor of Philology, Associate Professor of
Ryazan State University named for S. A. Yesenin
(Ryazan, Russian Federation)
t.fedoseeva@rsu.edu.ru*

THE MOTIF OF A MONK'S TEMPTATION IN YA. P. POLONSKY'S CREATIVE WORK

Abstract. The article studies artistic functions of the motif of a monk's temptation in Yakov Polonsky's lyric poetry and his poem *Keliot*. The study focuses on biographical prerequisites to the poet's Christian mind. To analyze literary motifs typical of Polonsky's poetry the article employs anthropological and axiological approaches. It examines the role that Gospel plays in Polonsky's lyric poetry. The paper maintains that plot development plays a secondary role in the poem *Keliot*. Polonsky centers on a complex philosophical themes of love and the Law in the system of Christian values. Like the Biblical characters Polonsky's character experiences lust of the flesh, lust of the eyes, and the pride of life. The poem depicts a human being within the framework

of Christian tradition. Having fallen from his primeval integrity into sin, a human being receives forgiveness through complete repentance and acts of love. The final lines of the poem extol self-sacrificing Christian love. The study maintains that Polonsky depicts human beings through the prism of his Christian consciousness.

Keywords: Russian poetry, Ya. P. Polonsky, Christian anthropology and axiology, Biblical motif of temptation, primeval integrity, the poem *Keliot*, love and the Law

References

1. Bezrukov A. A. *Ob antropotsentrichesкой i khristochentrichesкой paradigmax v literaturovedenii* [On Anthropocentric and Christocentric Paradigms in Literary Criticism]. Available at: <http://otc-pavel.ortox.ru/glavnaja> (accessed 12.07.2014).
2. Berdnikova O. A. Motivy iskusheniya v tvorchestve I. A. Bunina v aspekte khristiansкой antropologii [The Motifs of Temptation in I. A. Bunin's Works Through the Prism of Christian Anthropology]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Herzena* [Proceedings of the Herzen State Pedagogical University], 2008, no. 12 (85), pp. 279–288.
3. Vershinin I. V. Printsip dopolnitel'nosti v filologii [The Principle of Complementarity in Philology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2008, no. 5. Available at <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Vershinin/> (accessed 05.06.2014).
4. Garicheva E. A. Dvizheniye k pokoyu v lirike Ya. P. Polonskogo [Evolution Towards Peace in Ya. P. Polonsky's Poetry]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2008. Vol. 8: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 5, pp. 375–384.
5. Goncharov I. A. Pismo Polonskomu Ya. P., 15 yanvarya 1874 (Petersburg) [The Letter to Ya. P. Polonsky, January 15, 1874 (Petersburg)]. *Goncharov I. A. Sobraniye sochineniy v 8 tomakh* [Goncharov I. A. Collected Works in 8 Vols.]. Moscow, Khudozestvennaya literatura Publ., 1955, vol. 8, pp. 454–456.
6. Dobroselskiy P. V. O proiskhozhdenii cheloveka, pervorodnom grekhe i iskustvennom zarozhdenii. Ser. "Ocherki Pravoslavnoy antropologii" [On the Creation of Man, Original Sin, and Artificial Fertilization. Ser. "Remarks on Orthodox Anthropology"]. Moscow, Blagovest Publ., 2008. 491 p.

7. Dolgushin D., the priest. *V. A. Zhukovskiy i I. A. Kireevskiy: Iz istorii religioznykh iskaniy russkogo romantizma* [V. A. Zhukovsky i I. A. Kireevsky: From the history of religious quest of Russian romanticism]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009. 352 p.
8. Esaulov I. A. *Literaturovedcheskaya Aksiologiya: opyt oboshovaniya ponyatiya* [Literary Axiology: an Attempt at Substantiating a Phenomenon]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994. Vol. 3: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre]. Issue 1, pp. 373–383.
9. Zakharov V. N. *Khudozhestvennaya antropologiya Dostoevskogo* [Dostoyevsky's Creative Anthropology]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. Vol. 11: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre]. Issue 8, pp. 150–165.
10. Motorin A. V. *Dukhovnyye napravleniya v russkoy slovesnosti 19 veka* [Spiritual Trends in Russian Literature of the 19th Century]. Veliky Novgorod, 2012. 504 p.
11. Solov'ev V. S. *Poeziya Ya. P. Polonskogo* [Poetry of Ya. P. Polonsky]. *Philosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, pp. 518–542.
12. Strakhov N. N. *Zametki o Pushkine i drugikh poetakh* [Remarks on Pushkin and Other Poets]. Kiev, I. I. Chokolov Publ. Available at: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0090.shtml (accessed 17.04.2014).
13. Fedoseeva T. V. *Motiv iskupitelnogo stradanija v lirike Ya. P. Polonskogo* [The Motif of Atonement in Ya. P. Polonsky's Poetry]. *Bogosluzheniye i russkaya literatura: tsitaty, reministsentsii: materialy nauchnoy konferentsii* [Divine Service and Russian Literature: Quotations, Reminiscences: Conference Materials]. Shuya, Shuya State Pedagogical University Publ., 2011, pp. 106–116.
14. Fomichev S. A. *Pervaya Poema Pushkina* [Pushkin's First Poem]. *Pushkinskaya perspectiva* [Pushkin's Perspective]. Moscow, Znak Publ., 2006, pp. 52–61.
15. *Yakov Petrovich Polonskiy. Ego zhizn' i sochineniya* [Yakov Petrovich Polonsky. His Life and Works]. Moscow, Sklad v knizhnom magazine V. Spiridonova i A. Mikhaylova Publ., 1906. 470 p.